

Бондарева Татьяна Павловна

БИБЛЕЙСКИЕ ИНТЕРПРЕТАНТЫ В СТРУКТУРЕ РАССКАЗОВ Н. ХВЫЛЕВОГО

В статье содержится анализ прозы Н. Хвылевого с использованием интертекстуального подхода, предложенного исследователем М. Риффатером. Поданы основные библейские интерпретанты, обнаруженные в рассказах из сборника "Синие этюды", охарактеризована их роль в расширении смыслов текстов, проанализирована их метатекстуальная функция. Статья дает возможность по-новому посмотреть на творчество Н. Хвылевого, раскрыть его религиозную основу.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/11-1/7.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 11 (29): в 2-х ч. Ч. I. С. 34-37. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/11-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

Список литературы

1. Дриш Г. Витализм. М.: ЛКИ, 2007. 280 с.
2. Егоров Б. Ф., Зарецкий В. А., Гушанская Е. М., Табориская Е. М., Штейнголь А. М. Сюжет и фабула // Вопросы сюжетосложения. Рига: Звайгзне, 1978. № 5. С. 11-21.
3. Кожин В. В. Сюжет, фабула, композиция // Теория литературы. Основные проблемы в историческом освещении. Роды и жанры литературы. М.: Наука, 1964. С. 408-485.
4. Ландау Л. Д., Лившиц Е. М. Теоретическая физика: учеб. пособие для вузов: в 10-ти т. Изд-е 4-е. М.: Наука, 1989. Т. III. Квантовая механика (нерелятивистская теория). 768 с.
5. Пенроуз Р. Новый ум короля: о компьютерах, мышлении и законах физики. М.: Едиториал УРСС, 2003. 384 с.
6. Руднев В. П. Прочь от реальности: исследования по философии текста. М.: Аграф, 2000. 432 с.
7. Руднев В. П. Текст и реальность: направление времени в культуре // *Wiener slawistischer Almanach*. Wien, 1986. В. 17. S. 217-233.
8. Томашевский Б. В. Теория литературы. Поэтика. М. – Л.: Госиздат, 1925. 230 с.
9. Томашевский Б. В. Теория литературы. Поэтика. М.: Аспект Пресс, 1996. 334 с.
10. Фейнман Р. Ф., Лейтон Р. Б., Сэндс М. Фейнмановские лекции по физике. Изд-е 3-е. М.: Едиториал УРСС, 2004. Вып. 8, 9. Квантовая механика. 528 с.
11. Шкловский В. Б. Материал и стиль в романе Льва Толстого «Война и мир». М.: Федерация, 1928. 249 с.
12. Шкловский В. Б. Пародийный роман. «Тристрам Шенди» Стерна // Шкловский В. Б. О теории прозы. М.: Федерация, 1929. С. 117-204
13. Шмид В. Нарратология. Изд-е 2-е. М.: Языки славянской культуры, 2008. 304 с.
14. Юнг К. Г. Синхрония. М.: АСТ, 2010. 352 с.

GENERALIZATION OF PLOT THEORY: TEMPORALITY, CAUSALITY, AND SUPERPOSITION

Boiko Mikhail Evgen'evich

*Humanities Institute of TV & Radio Broadcasting named after M. A. Litovchin
michboy@mail.ru*

The article suggests the generalization of the classical theory of plot developed by the Russian formalists. The idea of a quantum (polyvariant) plot as a superposition of classical plots is introduced by the specific literary examples. The problems associated with the diegetic causation and with the diegetic acausal correlation are analyzed. The plot typology is developed, basing on three binary oppositions: linear temporality / loop temporality; causality / acausality; mono-variability / poly-variability.

Key words and phrases: time; quantum paradigm; narrative; causality; synchrony; superposition; subject; teleology; temporality; plot.

УДК 821.161.2-31Хвылевой.09

Филологические науки

В статье содержится анализ прозы Н. Хвылевого с использованием интертекстуального подхода, предложенного исследователем М. Риффатером. Поданы основные библейские интерпретанты, обнаруженные в рассказах из сборника «Синие этюды», охарактеризована их роль в расширении смыслов текстов, проанализирована их метатекстуальная функция. Статья дает возможность по-новому посмотреть на творчество Н. Хвылевого, раскрыть его религиозную основу.

Ключевые слова и фразы: интертекстуальность; претекст; интерпретанта; религия; вера; молитва.

Бондарева Татьяна Павловна

*Харьковский национальный педагогический университет им. Г. С. Сковороды, Украина
bondareva86tanya@gmail.com*

БИБЛЕЙСКИЕ ИНТЕРПРЕТАНТЫ В СТРУКТУРЕ РАССКАЗОВ Н. ХВЫЛЕВОГО©

Темой нашей статьи являются библейские интерпретанты в структуре рассказов Н. Хвылевого. Цель – выявить механизм скрещивания и трансформации смыслов текстов благодаря интерпретантам библейского происхождения. Основным теоретическим инструментарием статьи являются работы М. Риффатера.

Исследователь вводит в 1972 году понятие интерпретанты, включая его в свой семиотический треугольник. Автор утверждает, что текст и интертекст не связаны между собой как донор и реципиент. Чтение от текста к интертексту должно проходить через интерпретанту – элемент, благодаря которому проходит взаимная трансформация смыслов текстов. Итак, основная цель работы – выявить библейские интерпретанты и установить их роль в отношениях между текстами Н. Хвылевого и претекстами. Это могут быть отношения идентификации, противопоставление и маскировки.

1) Интерпретанты Ветхого Завета

Как уже было отмечено выше, рассказы Н. Хвyleвого, что вошли в сборник «Синие этюды», представляют богатый материал для исследования с точки зрения интертекстуальности. Среди указанных претекстов одним из наиболее значимых, на наш взгляд, является Библия. Рассказ «Лилюли», как утверждают исследователи, является одним из самых сложных для анализа [5], имеет много интертекстуальных связей, в частности, наиболее цитируемой, как указывает Ю. Безхутрый [3], является пьеса Р. Роллана «Лилюли». Но, на наш взгляд, немалая связь прослеживается и между Библией, на которую нас наталкивает имя главного героя. Измаил Огре является типичным представителем целого поколения интеллигентов, которые так и не смогли приспособиться к новой идеологии и реальности. Таким является и образ библейского Измаила, сына Авраама и служанки – египтянки Агарь. Этот сын – незаконный, если можно выразиться таким образом – «побочный», ведь Авраам имел законно родившегося сына от жены – Исаака. Действительно, эти два образа являются своеобразными «попутчиками», но каждый, конечно, в своей среде.

Всем известно высказывание «Бог есть любовь», а также заповедь, что Моисей принес на скрижалях для еврейских рабов, спасенных им из Египта: «Возлюби ближнего как самого себя» [10, с. 203]. Любовь действительно является одним из самых высоких ступеней христианства, ведь любить нужно не только друга и соратника, но и врага (с чем справиться достаточно трудно, это требует мощного душевного и духовного напряжения), и нет другой большей заповеди для христианина. Любить по-настоящему и по-христиански умеет мадам Фурье: «Она всех любит, все для нее друзья: и нарком, и провокатор – это логика ее любви» [12, с. 190]. Уже упоминалось, что одним из претекстов рассказа «Лилюли» является одноименная пьеса Р. Роллана, но это не единственное произведение этого автора, так или иначе интертекстуально связанное с произведениями Н. Хвyleвого. Близкой по времени является и повесть Р. Роллана «Пьер и Люс», в которой рассказывается о событиях 29 марта 1918 года. Немецкая бомба упала на церковь Сен-Жерве в Париже и похоронила заживо 165 человек, среди которых были и главные герои. В последний миг своей жизни Люс говорит Пьеру: «Все для меня – любовь. Я люблю все, и все любит меня» [9, с. 327]. Снова перед нами всепоглощающая любовь перед лицом самой смерти. Такое чувство стоит того, чтобы быть описанным в Библии. Чистота душ главных героев не могла не привлечь внимание и Н. Хвyleвого.

О любви в духе «Песни песней царя Соломона» говорит и Хая из рассказа «Свинья»: «Сильная любовь побеждает нелюбовь, нелюбовь любит» [12, с. 135] и «Я знаю, он любит меня до безумия. Пусть же победит мою нелюбовь» [Там же, с. 136]. Напомним, что «Песнь песней» рассказывает о любви царя Соломона к служанке Суламифь. Этот раздел Библии изобилует поэтическими отступлениями, посвященными красоте Суламифь, очень страстно изображается любовь между мужчиной и женщиной как таковая. Действительно, такая любовь является всепобеждающей (о чем, собственно, и говорила Хая), ведь способна победить даже смерть: «Положи меня, как печать, на сердце твое, как печатку, на руку твою: ибо сильна, как смерть, любовь» [10, с. 656].

2) Понятие «Евангелие»: интертекстуальный дискурс

Наверное, самой важной книгой для любого христианина есть Библия, в частности, та ее часть, которая посвящена жизни и учению Иисуса Христа, – Евангелие. Само слово переводится как «благая весть», поскольку учение Сына Божьего во многом отличается от тех догматов, которые были предложены в Ветхом Завете. Например, общеизвестный закон «Око за око, и зуб за зуб», провозглашенный Моисеем, был отрицан Иисусом (ведь зло провоцирует большее зло). Действительно, в советское время место религии стало на другую ступень – унижительную, крамольную, неудобную власти. Понятие «вера» как некий концепт искоренялось жестоко, поскольку составляло внутреннюю логику религиозного дискурса, как утверждает исследователь Е. Огнева [8].

В рассказе «Комната ч. 2» одна из героинь, Горпина, «толстая баба и евангелистка» [12, с. 222], часто обращается к окружающим с религиозными установками, что определенным образом раздражает тех самых окружающих:

«Загляни, мое чадо, в Евангелие от Матвея. Комендант – нгул” матом т.д.» [Там же, с. 223].

Автор не случайно обращает внимание читателя именно на Евангелие от Матвея. На наш взгляд, потому, что это единственное Евангелие, которое содержит рассказ о такой общеизвестной религиозной экзекуции, как избивание младенцев царем Иродом: «Глас в Раме слышен, плач и рыдание, и вопль великий; Рахиль плачет о детях своих и не хочет утешиться, ибо их нет» [10, с. 218]. Текст рассказа «Комната ч. 2» содержит много трансформированных интертекстуальных ссылок на это страшное событие: за стеной главные герои все время слышат плач ребенка («за стеной... кричал ребенок» [12, с. 137, 138]). Более того, Макс, блуждая по городу, находит витрину с фотографиями замученных (не Иродом ли советского времени?) детей: «Пристально смотрел на фотографии детей с тоненькими ножками и разбухшими чревами» [Там же, с. 143].

Сама же Вевдя вообще не считает нужным рожать детей, чтобы не преумножать ничтожество в мире: «не надо плодить детей...» [Там же, с. 137]. Детоубийство у Н. Хвyleвого достигает апогея циничности в произведении «Чумаковская коммуна»: «...К Андрею подходит Варвара и повествует о яме – недалеко яма, куда монахини (!) сбрасывали когда-то – незаконных” младенцев: опоросится (!) монахиня и запричастится тайны убийства» [Там же, с. 167]. Автор подчеркивает общий духовный упадок из-за обесценивания христианских постулатов.

В рассказе «Комната ч. 2» мы встречаемся не только с упоминаниями о канонических священных книгах, но и о таком «апокрифе», как евангелие от Маркса: «И вот она (Христя) чувствует, что ей хочется стать на колени. До боли хочется... Где-то лаяла собака. Стала. Протянула руки в пространство, и ей стало сладко. – Неужели я молюсь?» Подскачила: – Кому?» А в голову: – Экономическое учение К. Маркса – К. Кавского...”»

[Там же, с. 231]. Е. Огнева в своей статье говорит о субконцепте «молитва» как о частной форме концепта «вера». Молясь, Христия подтверждает, что она не сомневается в существовании Бога, и это является ее ментальной чертой. Однако напоминание о Марксе здесь имеет интертекстуальную основу. Снова должны обратиться к произведениям Р. Роллана, а именно к пьесе «Лилюли», в которой, собственно, и находим наполненные сарказмом реплики Толп, поющие речитативом: «...святой Мах и святой Вермахт, – святой Кант, святой Крушп..., – святое *Евангелие от Бисмарка и Маркса (выделение наше – Т. Б.)*» [9, с. 229]. Обратим также внимание, что среди перечисленных философов именно те, которые штудировал Макс. Действительно, подмена святынь имела место в тогдашнем обществе: одни догмы сменялись другими, появлялись новые учения и пророки, о чем предостерегали еще тысячи лет назад в уже упомянутом Евангелии от Матфея: «Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри – волки хищные. По плодам их узнаете их. Собирают ли с терновника виноград...?» [10, с. 10]. Действительно, евангельские интерпретанты дают нам возможность выделить один из смыслов рассказа «Комната ч. 2», а именно: может ли быть хоть какое-то обещанное «светлое» будущее в лжепророков с их лжедогмами? Есть ли смысл «плодиться», если плод заведомо будет гнилой (по мнению Вевди)? Эта латентная суицидальность рассказа в целом и его героев в частности говорит об общем духе советской эпохи, очерчивает единственный возможный маршрут развития общества после того, как социализм достигнет наивысшей стадии развития, в своем роде кульминации, как это было в книге Дж. Оруэлла «1984», когда учение Великого Брата стало истиной в последней инстанции, что привело к глубокой трагедии каждой личности, к появлению так называемой 101-й комнаты в жизни героев романа (хоть роман и был написан позже произведения Н. Хвывелевого) и появления комнаты ч. 2 в жизни Макса и Вевди.

3) Образ Иисуса Христа и Бога: основные трансформации

Центром православного учения и самой большой загадкой для любого человека в мире (независимо от вероисповедания) является образ Иисуса Христа.

Известно, что догматы, введенные Ветхим Заветом, во многом отличаются от учения Иисуса, которое базируется на жертвенности, любви к ближнему и всепрощении. Недаром главный герой Н. Хвывелевого из рассказа «Лилюли» Алеша описывается автором, как «смотрит Голгофой, когда вели легендарного Христа на Голгофу...» [12, с. 303]. Жертвенность Иисуса Христа ради спасения человечества в данном случае экстраполируется на жертвенность художника ради спасения нации. Ни одна битва, даже с самим собой, не проходит без жертв, потому интерпретанта распятого Христа использована и в повести «Пьер и Люс» Р. Роллана. Однако образ Сына Божьего предстает перед нами несколько иным (отличным от Библейского и от того, что подает Н. Хвывелевой). Герои произведения, заходя в собор, обращаются к Иисусу как к другу: «Большой друг! Перед лицом твоим я беру его, я беру ее. Благослови нас!..» [9, с. 330]. Иначе они понимают и любовь Бога к человечеству, и значение его жертвы для спасения души:

«– Я думаю, что в этот день (*Страстная пятница – Т. Б.*), такой далекий от нас и такой близкий, приняв крестную муку тот, что пришел на землю, чтобы исцелять слепых.

– Неужели ты веришь в него?

– Нет, Люс, больше не верю. Но он всегда остается другом тех, с кем он, хотя бы однажды, разделит трапезу. А ты, ты знаешь его?

– Очень мало... но я, и не зная, люблю его... за то, что он любил» [Там же, с. 329].

Р. Роллан использует образ Иисуса как «целителя слепых», ведь ненависть, которая часто становится причиной междоусобиц и войн, ослепляет человечество. Действительно, образ Иисуса Христа трансформируется в образ «большого друга» у писателя, хотя православный догматический взгляд несколько иной. Н. Хвывелевой предлагает читателю другие трансформации. С одной мы уже знакомы – это «легендарный» Христос – Алеша (представленный эпитет не несет сакрального смысла и соотносится в сознании читателя с народным творчеством). Другую можно увидеть в рассказе «Свинья» – это «христосик Карл Иванович, во благообразии: русая борода, а в серых глазах смирение» [12, с. 207]. Между прочим, ребенок плачет и в этом рассказе: «Мама, успокойте Соню, чего она раскричалась? Покачайте...» [Там же, с. 211], «Закричали в коридоре Зоины и мамыны дети» [11, с. 213]. Главный герой буквально мучается с Хаей, ведь любит ее, однако она не видит в нем мужчину, поскольку сосредоточена на своей болезни. Не случайно, на наш взгляд, автор наделяет свою героиню именно такой болезнью, ведь для Хаи, в отличие от Вевди из «Комнаты ч. 2», теперь не стоит проблема размножения. Образ «легендарного» Христа более масштабный и подробнее раскрыт в «Лилюли», чем образ «христосика» из «Свиньи». Общая часть, которая подверглась трансформации, – это страдания и муки обоих героев. Алеша мучается как художник, а Карл Иванович только как влюбленный, именно поэтому прослеживается определенная градация. Художник страдает за многих величественной скорбью, поэтому он и легендарный, а влюбленный распят лишь собственными эмоциями, поэтому он даже не Христос, а только «христосик». Совсем иначе изображен этот образ в рассказе «Комната ч. 2»: «Эту ночь ей снились сны золотые, как ризы господни. Приходил Христос... Такой золотой, такой золотой!» [12, с. 223]. В данном случае образ Иисуса Христа комплементарен с образом Горпины, которая существенно отличается от Карла Ивановича и Алеши. Она не страдает, не любит, не является художником... И даже не является главным персонажем произведения. Эта героиня не раздражает сознание читателя почти ничем, ведь ее нравственный уровень в состоянии полной гармонии, зато она раздражает других героев произведения, которые через общение с Горпиной обнажают подсознательное желание тянуться к Богу. Так, Вевдя готова просто смотреть в глаза бабушки-евангелистки, ибо в ее глазах видит Христа.

По-другому интерпретируется и образ Господа Бога в произведениях Н. Хвильевого. В пьесе «Лилюли» Р. Роллана Бог вульгаризован: «...есть в нем нечто от разбогатевшего проходимца... благородные жесты, которые приобретают, однако, налет вульгарности в те минуты, когда он перестает следить за собой, и тогда его пышные тирады отдают городским... предместьем» [9, с. 201]. Это не могло, на наш взгляд, не повлиять на произведения нашего писателя. Абсолютно деградированное ощущение присутствия (скорее – его абсолютного отсутствия) Бога предстает перед нами в рассказе Н. Хвильевого «Бараки, что за городом». Главные герои – Ефим и Мазей – верят в справедливость и «превосходство» своего намерения «приштопать кое-кого», как сказано было в плакате (написанное в нем для героев по силе своего воздействия сравнивается только с заповедью на скрижали). Для более полной картины Н. Хвильевой вводит в текст брань с упоминанием Бога: «Дех, мать твою бог любил!» [12, с. 199], «Мать твою в боженят поднебесных!» [Там же, с. 200], «Выругался в бога и богородицу» и «пошел в палату» [Там же, с. 202]. Конечно, это лишь дополняет общую картину глубокого морального, психологического, а в этом произведении и психического упадка социума, который допустил себя сам к обесцениванию самого большого сокровища, данного Богом, – жизни (вспомним о детоубийстве, совершавшемся монахинями, а также об «обрубках человеческого мяса» в этом же рассказе).

Итак, подытоживая сказанное выше, можно утверждать, что рассказы Н. Хвильевого, что вошли в сборник «Синие этюды», содержат в своей структуре интерпретанты библейского происхождения. Среди них можно назвать и образ Господа Бога, и образ Иисуса Христа – наиболее употребляемые и наиболее трансформированные от рассказа к рассказу. Кое-где можем встретить и другие интертекстуальные элементы, удачно эксплуатируемые автором для расширения смыслов текстов, что составляет почву для дальнейших исследований в этом направлении.

Список литературы

1. Агесва В. «Зайві люди» у прозі М. Хвильевого // Слово і час. 1990. № 10. С. 3-9.
2. Безухтрий Ю. М. До історії вивчення творчого доробку Миколи Хвильевого // Вісн. ХНУ. 2004. № 607. С. 180-187.
3. Безухтрий Ю. М. Хвильовий: проблеми інтерпретації: монографія / худож. оформл. Б. П. Бублик. Х.: Фоліо, 2003. 495 с.
4. Введение в литературоведение: учеб. пос. для филол. спец-й ун-тов и пед. ин-ов / под. ред. Г. Н. Поспелова. М.: Высш. шк., 1976. 422 с.
5. Дорошкевич О. Підручник історії української літератури. Х. – К.: Книгоспілка, 1924. 364 с.
6. Ильин И. Стилистика интертекстуальности: теоретические аспекты // Проблемы современной стилистики: сборник научно-аналитических трудов. М., 1989. С. 67-98.
7. Майдаченко П. Примітки // Хвильовий Микола. Сині етюди. К., 1989. С. 405-416.
8. Огнева Е. Структурирование религиозного дискурса: субконцепт «молитва» [Электронный ресурс] // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2008. № 1. Ч. 1. URL: <http://www.gramota.net/materials/2/2008/1-1/43.html> (дата обращения: 01.10.2013).
9. Роллан Р. Зібрання творів: в 9-ти т. М.: Правда, 1983. Т. 5. 1983. 335 с.
10. Святе Письмо Старого і Нового Завіту / пер. Б. Геце. Нью-Йорк: Союз Біблійних Товариств, 1991. 825 с.
11. Фатеева Н. Контрапункт интертекстуальности или интертекст в мире текстов. М.: Агар, 2000. 280 с.
12. Хвильовий М. Сині етюди / передм. І. Драч; прим. В. Майданенко. К.: Рад. письменник, 1989. 421 с.
13. Bazerman Ch. Intertextuality: How Texts Rely on Other Texts. Santa Barbara: University of California. 2004. 126 p.
14. Riffaterre M. Semiotics of Poetry. Bloomington, 1978. 265 p.

BIBLICAL INTERPRETANTS IN STRUCTURE OF N. KHVYLEVOI'S STORIES

Bondareva Tat'yana Pavlovna

H. S. Skovoroda Kharkiv National Pedagogical University, Ukraine

bondareva86tanya@gmail.com

The article gives the analysis of N. Khvylevoi's prose using an intertextual approach suggested by researcher M. Riffaterre. The basic biblical interpretants found in the stories from the book "The Blue Etudes" are presented, their role in expanding the meanings of texts is described, and their meta-textual function is analyzed. The article gives an opportunity to consider in a new way the creative work of N. Khvylevoi, to reveal its religious foundation.

Key words and phrases: intertextuality; pretext; interpretant; religion; faith; prayer.